

БЕЛИНСКИЙ И РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Статья М. Азадовского

I

Вопрос об отношении Белинского к народной поэзии до сих пор еще не выяснен с достаточной четкостью. В литературе господствуют противоречивые и чаще всего совершенно неверные мнения, основанные на одностороннем и порою поверхностном знакомстве с материалом. Утверждают, что Белинский не понимал народной поэзии, что он не умел ценить ее, что он относился к ней с высокомерным презрением и т. д. Накопилось немало объяснений этого якобы «высокомерного» и «презрительного» отношения Белинского к фольклору. Идеино-политические противники Белинского утверждали, что вся система взглядов Белинского на народную поэзию и народную культуру в целом объясняется его «оторванностью от народа», «отчужденностью от русской жизни» и «отвлеченно-абстрактным отношением к действительности». Так характеризовались, например, позиции Белинского по отношению к фольклору в довольно известной в свое время книжке Бураковского¹. Буслаев видел в концепции Белинского проявление отвлеченного эстетизма и связанного с ним «аристократического пренебрежения к народу»; это же обвинение повторяет за Буслаевым и Бураковский: «Для Белинского в народной поэзии не существовало никаких других интересов, кроме эстетических или художественных»². В качестве представителя эстетического, а стало быть не исторического взгляда на фольклор рассматривают Белинского и авторы ряда общих курсов и пособий, например, А. С. Архангельский³. С другой стороны, в воззрениях Белинского на народную поэзию видели результат ошибок, проистекавших, главным образом, от недостаточности его специальной осведомленности в этих вопросах. Первый, как будто, высказал это соображение в печати тот же Бураковский; позже его повторил, правда, в очень осторожной и смягченной форме, Пыпин (впоследствии он изменил свое суждение), и, наконец, более подробно эту точку зрения развил Венгеров в своем комментарии к статьям Белинского о народной поэзии (VI, 620—630). Были и другие объяснения, сводившие всю систему взглядов Белинского в данном вопросе исключительно к полемическим преувеличениям, вызванным его борьбой со славянофилами. Эта точка зрения была высказана еще в 70-е годы в анонимной рецензии «Отечественных записок» на упомянутую книжку Бураковского⁴ и позже стала довольно распространенной; наибольшую популярность получила она в недавнее время. Это объяснение первоначально считал правильным и Венгеров (в первых своих статьях о Белинском), но позже он радикально изменил свой взгляд, и источник «ошибок» Белинского видел исключительно в отсутствии у критика соответствующих познаний. Наконец, он склонен был видеть в оценках и высказываниях Белинского о народной поэзии проявления некоей «культурной гордыни». Что

касается борьбы со славянофилами, то Венгеров снимает этот момент чисто хронологическими соображениями, считая, что в 1841 г., когда были закончены статьи Белинского о народной поэзии, «распадение на западников и славянофилов только внутренне подготовлялось и еще не приняло никаких определенных форм и, во всяком случае, никакими полемическими увлечениями осложнено не было». Позже мы еще вернемся к этому утверждению Венгерова; здесь же предварительно заметим только то, что Венгеров был, безусловно, неправ, категорически отрицая, в данном случае, какое бы то ни было значение борьбы со славянофилами. Но несомненно и другое: одной этой проблемой ни в малейшей степени не исчерпывается общее принципиальное и теоретическое значение статей великого критика о народной поэзии.

Очень часто встречаются суждения, усматривающие источник «недооценки» Белинским народной поэзии в его «гегельянстве», в частности, в учении Гегеля о разделении поэзии на «естественную» и «художественную». Так смотрел на дело, например, Пыпин. Но если бы действительно Белинский не придавал никакого значения народной поэзии и низко расценивал ее художественные достоинства, то и тогда такое отношение никак не могло бы быть выведено из суждений Гегеля. Гегель никогда не отрицал художественного значения народной поэзии; формулируемое им различие «естественной» и «художественной» поэзии устанавливает только определенные исторические стадии в развитии поэзии: «художественная» поэзия, как более развитая форма, выше народной поэзии, отражающей бедные содержанием исторические периоды жизни. Отсюда различный характер эстетического впечатления, производимого той и другой поэзией. Необходимо добавить, что такие апологеты народной поэзии из правого лагеря, как Катков или К. Аксаков, во многом исходили как раз из гегельянских позиций.

Сам Белинский решительно протестовал против упреков в пренебрежительном или равнодушном отношении к народному творчеству. «С пословицами знаком, — писал он о себе в 1841 г. в ответ на критические выпады «Москвитянина», — сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, знает чуть не наизусть; читывал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии» (X, 168).

Об отношении Белинского к народной поэзии писал и М. Филиппов, один из ранних представителей «легального марксизма», автор ряда работ по истории русской философии. Филиппов считает совершенно ошибочным «обычное мнение» будто Белинский «пренебрегал народным творчеством и будто он вообще не принимал русской литературы до Петра»⁵.

В противоположность всем писавшим до него на эту тему, автор утверждает, что статьи Белинского о русской народной поэзии обнаруживают глубочайшее понимание как эстетического, так и исторического ее значения. Но дальше этого Филиппов не пошел. Он не поставил вопроса об идейной сущности высказываний Белинского о народной поэзии. Впрочем, с тех позиций, на которых стоял автор, ему и не удалось бы решить этот вопрос. Он не сумел понять подлинной сущности мировоззрения Белинского и его значения как мыслителя-революционера и основоположника революционно-демократической критики.

Бегло, но весьма содержательно, коснулся вопроса об отношении Белинского к народной поэзии Плеханов. Он убедительно доказал несостоятельность утверждений Пыпина о том, что Белинский оставил без внимания народную поэзию, недооценивал ее значения и ее художественного и историко-культурного интереса. Замечания Белинского об относительной бедности содержания русской народной поэзии Плеханов рассматривает в органической связи с революционно-демократическим

мировоззрением Белинского. «Он полагал, — пишет Плеханов, — что содержание народной поэзии определяется содержанием народной жизни. Там, где бедна содержанием народная поэзия, бедна им и народная жизнь⁶. Условие же благоприятного и разумного развития общественной жизни, обогащающего ее содержание, Белинский видел в развитии социальной борьбы. Действенные революционные выводы напрашиваются отсюда сами собою⁷. Таким образом, Плеханов подчеркивает революционную сущность высказываний Белинского о народной поэзии.

В настоящее время в ряде работ советских ученых и критиков сделаны попытки сесторонне осмыслить вопрос об отношении Белинского к

БЕЛИНСКИЙ

Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

народной поэзии в связи с его общеполитическими позициями и общественными воззрениями. Наиболее подробно эта тема разработана в статье А. П. Скафтымова «Белинский и устное народное творчество»⁸, где отмечен политический, «боевой» характер высказываний Белинского о фольклоре. Однако, вслед за Пыпиным, автор преувеличивает значение для Белинского гегелевского тезиса о «естественной» и «художественной» поэзии. А. П. Скафтымов подчеркивает различное восприятие этого тезиса Белинским в разные эпохи: в 40-е годы критик интерпретирует его с позиций боевого демократизма, но все же именно данный тезис Гегеля — по утверждению А. П. Скафтымова — неизменно лежит в основе всех суждений Белинского о народной поэзии и обусловливает и все его частные высказывания и оценки. Автор забывает при этом, что взгляды

Белинского на народную поэзию слѣжились еще до ознакомления критика с учением Гегеля и что высказывания Белинского о фольклоре не ограничиваются только его так называемым «гегельянским периодом», но встречаются на всем протяжении его литературной деятельности от «Литературных мечтаний» до «Письма к Гоголю» включительно.

В этой связи представляется особенно важным подчеркнуть поразительное единство и цельность суждений Белинского о народном творчестве: их основные положения и основная идейная направленность, по существу, остаются неизменными. Менялись оттенки, частности и детали, — но в целом взгляд Белинского на русскую народную поэзию, на ее историческое значение и место в литературе оставался неизменным.

Основные положения фольклористической концепции Белинского уже целиком намечены в «Литературных мечтаниях». В этом гениальном проспекте будущей деятельности Белинского поставлены или намечены многие вопросы, над которыми размышлял в течение всей своей жизни Белинский и которые оказались, вместе с тем, в центре всей русской литературы и русской критической мысли. Замечательно, что ряд знаменитых «обзоров» Белинского повторяет по существу формулировки и тезисы «Литературных мечтаний», давая им каждый раз более глубокую трактовку. Особенно отчетливо это проявляется в суждениях Белинского именно о русской народной поэзии.

«Литературные мечтания» написаны и появились в пору расцвета фольклорной темы в литературе и высокого подъема научно-фольклористических интересов. Первое пятилетие 30-х годов — один из знаменательнейших периодов в истории русской науки о фольклоре и в истории русского художественного фольклоризма. Напомним основные факты: в эти годы написаны и вышли в свет сказки Пушкина и Жуковского, «Конек-горбунок» Ершова, сказки Языкова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, сказки Даля («Русские сказки казака Луганского. Первый пяток», 1832), повести Вельтмана, первые песни Кольцова. Одновременно, с большим блеском, развертывается собирательская деятельность Киреевского, выходит второе издание сборника Максимовича, расцветает собирательство на Украине (харьковский кружок Срезневского), появляются статьи и книги Венелина, Бодянского, статьи о народной поэзии и рецензии в «Московском телеграфе», «Телескопе» и «Молве», на страницах которой была напечатана и «Элегия в прозе» Белинского.

Этому увлечению народной поэзией Белинский и сам отдал дань своим стихотворением «Русская быль» (1831), сюжет которого он заимствовал из русских балладных песен⁹. В 1833 г. Белинский перевел для «Телескопа» (1833, № 7) статью Эд. Кине «О богемской эпопее», посвященную королевской и зеленогорской рукописям (I, 179—184), и в том же году большой очерк Фердинанда Дени «О поэзии и философии путешествий» (I, 209—230), где, между прочим, упоминается и Гердер («сей великий поэт-философ, угадавший сколько умом, столько еще более чувством великие законы человечества»). «Литературные мечтания» появились тогда, когда в статьях «Московского телеграфа» и «Телескопа» уже достаточно широко был поставлен вопрос о значении памятников народной поэзии.

В «Литературных мечтаниях» Белинский затрагивает почти все основные проблемы, поднятые современной ему фольклористической мыслью. Он говорит об историческом значении фольклора, о его исключительной роли в смысле понимания характера народа, его самобытности и традициях, переходящих от поколения к поколению, и т. д. «В чем же состоит эта самобытность каждого народа?» — спрашивает Белинский и тут же отвечает: «В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в о б ы ч а я х». И далее: «Невоз-

можно представить себе народа без религиозных понятий, облеченных в формы богослужения; невозможно представить себе народа, не имеющего одного общего для всех сословий языка; но еще менее возможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев (I, 324). Эти обычаи, — продолжает Белинский, — состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны; в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и понятиях народа...» (I, 324).

С особой силой подчеркивает Белинский мысль об органической, неотъемлемой и неотделимой связи народа и его фольклора и о значении традиции в жизни народа. «Все эти обычаи укрепляются давностью, освящаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению, как наследие потомков от предков. Они составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица, мечта небывалая и несбыточная» (там же). Другими словами, без изучения народных преданий и обычаев нельзя понять ни современного состояния народа, ни его исторического прошлого, — а отсюда следовал ясный вывод о необходимости интенсивного и всестороннего изучения народной словесности и народной обрядности. В «Литературных мечтаниях» Белинский еще ничего не говорит о значении собирания и издания памятников народной словесности, но он касается непосредственно этой темы в ряде последующих статей: в рецензии на «Конек-горбунок» Ершова (II, 71), на книгу Венелина (II, 397—401) и наиболее четко и категорически в рецензии 1838 г. на сборники Ваненко и Бронницына: «...какой благодарности заслуживают те скромные, бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и жертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения» (III, 448). Очень характерна также рецензия 1835 г. на книгу И. Нефедьева о волжских калмыках (II, 68—70).

В статьях второй половины 30-х годов Белинский очень часто возвращается к положениям, высказанным им в «Литературных мечтаниях», каждый раз уточняя и углубляя их смысл. Таковы, например, его определения характера поэзии первобытных народов в статьях о Баратынском (II, 243—244), о Гоголе (III, 191) и особенно в упомянутых рецензиях на книгу Венелина и на сборники Ваненко и Бронницына, где он говорит о народной поэзии, как о зеркале народа, как о выражении народного сознания (III, 447), как об истинном и живом проявлении духа, характера и всей жизни народа (II, 398). Сама по себе эта мысль была не нова. Она уже неоднократно высказывалась и раньше. Но Белинский — и в этом была его заслуга — делает ее центральным моментом своих суждений о путях и судьбах русской литературы. Принимая мысль о фольклоре как начальном моменте духовной жизни народа и его литературного развития, он возводит ее в один из важнейших принципов своего историко-литературного анализа. Весь исторический путь русской литературы рассматривается им с точки зрения развития идеи народности, — народность же, как ясно из предыдущего, немислимо понять без обращения к памятникам фольклора. Народность он определяет как «отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни» (I, 384). Каждое из этих понятий: «народная физиономия», «народный дух», «народная жизнь» — ведет, как к первоисточнику, к явлениям фольклора и народным традициям.

Попытку рассматривать народную поэзию как исходный пункт литературного развития делал и Пушкин, но Белинский не мог ничего знать об этих, оставшихся незавершенными опытах Пушкина, ибо они стали известны только после смерти не только Пушкина, но и Белинского. И тогда же на сходство высказываний Пушкина и Белинского в понимании народности и ее роли в литературе обратил внимание Чернышевский.

Белинский разделяет и общее восторженное отношение к русской народной поэзии: он говорит о «прекрасных песнях», «полных глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого» (I, 329), о «благородной и грациозной» народной пляске (I, 327) о «неподдельной наивности» и «лукавом простодушии» русских сказок (II, 71) и т. д. В рецензии на «Конька-горбунка» он прямо заявляет, что в русских сказках в тысячу раз больше поэзии, нежели в «Бедной Лизе», «Боярской дочери» и «Марфе-посаднице», и подчеркивает, что данное суждение не является его оригинальным высказыванием, а представляет собой «аксиому» (т а м ж е).

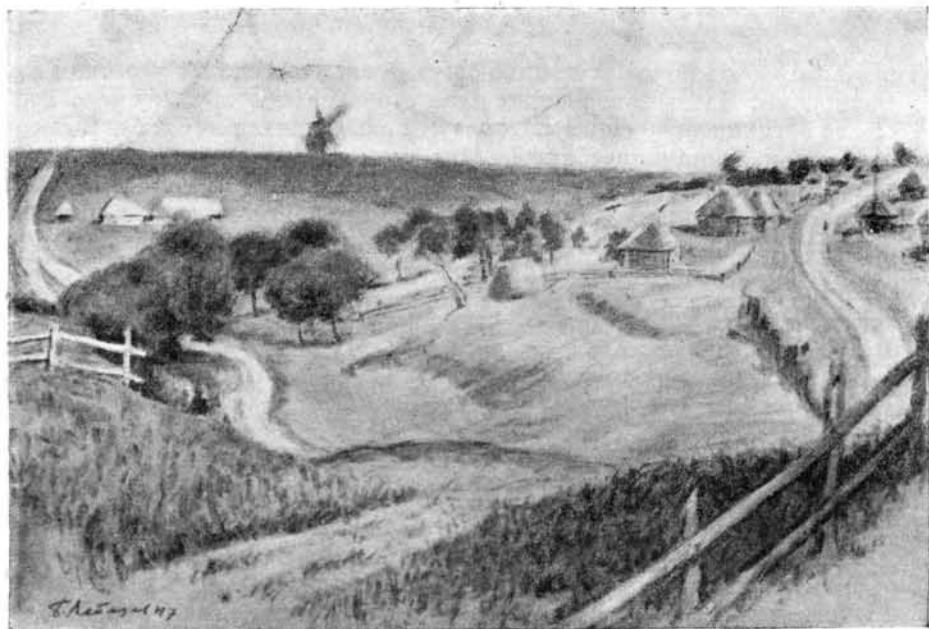
Понимание фольклора неразрывно связано у Белинского с его трактовкой исторического пути русской литературы и ее сущности. Вопрос о направлении и дальнейшем пути русской литературы занимает центральное место в «Литературных мечтаниях». В качестве основной предпосылки для его решения Белинский подвергает рассмотрению взаимоотношения литературы с обществом и народом. Он исходит из «бесспорного», — как он утверждает, — понимания литературы как выражения народного духа и народного самосознания. Это определение представляется ему важнее и существеннее другого, также весьма распространенного в это время, рассматривающего литературу как выражение общества. Первое имеет, — утверждает Белинский, — всеобщее значение, второе — лишь частное и применимо только для некоторых стран и народов. Созданное французами, оно, по мнению Белинского, пригодно лишь для них, ибо только во Франции народ и общество составляют единое целое. Во Франции «общество есть высочайшее проявление их народного духа, их народной жизни» (I, 317). Но Франция составляет единственное исключение; в других же странах «литература есть выражение не общества, но народа» (I, 318) ¹⁰.

Так, например, по Белинскому, обстоит дело в Германии, так же — хотя «и не вследствие тех же причин» — и у других народов; всюду литература «непременно должна быть выражением — символом внутренней жизни народа» (т а м ж е).

Отсюда и основной эстетический и историко-литературный критерий. У Белинского он приобретает следующую формулировку: отвечает ли наша литература своему основному назначению — является ли она «выражением общества или выражением духа народного?» (I, 323). Иначе этот вопрос можно поставить так: сумела ли наша литература воплотить в истории своего развития идею народности, ибо никакой писатель «не может быть оригинальным и самостоятельным, не будучи народным» (I, 336, выделено Белинским). За этим неизбежно вставал и следующий вопрос: о связи русской литературы с народными корнями, т. е. с фольклором.

Ответом на последний вопрос служит история русской культуры; по утверждению Белинского, она свидетельствует о расхождении путей народа и общества. В художественной литературе допушкинского периода это выразилось в отходе от народных истоков, от того, что составляет сущность народной жизни, в состав которой Белинский включает и совокупность народных традиций.

Белинский утверждал, что все деятели первого ее периода: и Кантемир, и Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков — лишены чувства народности; все они выступают лишь представителями общества и совершенно чужды народу. Отчетливее всего это сказалось в творчестве центральной фигуры первого периода русской литературы — Ломоносова. По мнению Белинского, Ломоносов «закрыв глаза для родного, оставив «без внимания» народные песни и сказки. «Он как будто и не слышал о них» (I, 333); в его сочинениях нет хотя бы даже «слабых следов влияния летописей и вообще народных преданий земли русской» (т а м ж е).

СЕЛО БЕЛЫНЬ—ТЕПЕРЬ ПАЧЕЛМСКОГО РАЙОНА, ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
В Белыни жил дед и родился отец Белинского. От названия села происходит фамилия Белинских.

Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

ГОРОД ЧЕМБАР—ТЕПЕРЬ БЕЛИНСКИЙ, ГДЕ ПРОШЛИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ КРИТИКА
Здание бывшего уездного училища
Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

Трудно выразить более отчетливо свою мысль, чем сделал в данном случае Белинский. Здесь совершенно ясно его основное положение о необходимости органической связи литературы с народными истоками и вместе с тем здесь выражено понимание фольклора как отправного момента литературного развития.

Историческую ошибку Ломоносова повторил, по мнению критика, и Карамзин, которого Белинский упрекает в пренебрежении к языку простолудин и в сознательном отказе от «родных источников» (I, 347), что и помешало ему выполнить до конца свою миссию. В этом же ряду стоят для Белинского и Фонвизин, явившийся только односторонним выразителем «господствующего образа мыслей образованных людей» (I, 341), и Жуковский, трагедия которого, по формулировке Белинского, заключалась в том, что он был всецело «заключен в себе» (I, 352), т. е. был оторван от народной стихии.

Этим писателям Белинский противопоставляет Державина, Крылова, отчасти Дмитриева, Грибоедова и некоторых других писателей, отличительным свойством которых была, по его мнению, народность; с наибольшей силой она проявилась в посланиях и сатирах Державина. На примере Державина Белинский раскрывает и сущность отражения народности в литературе. Она состоит «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (I, 339—340. Разрядка наша.—М. А.) Печатью народности ознаменовано творчество Крылова (I, 351, 383). Отдельные моменты соприкосновения с народной стихией критик находит у Дмитриева, в песнях Мерзлякова, в некоторых ранних повестях Погодина. Наконец, высшей точкой литературного развития и самым совершенным выражением идеи народности явилось творчество Пушкина в его первый период, т. е. до 1830 г. К принципиальному значению этого ограничения мы еще вернемся.

II

Венгеров, сопроводивший публикацию «Литературных мечтаний» обширнейшим комментарием (часто, впрочем, принимающим характер «толкований»), неоднократно отмечал связь этой статьи с высказываниями и писаниями других деятелей 20—30-х годов. В частности, он указывал, что все основные положения «Литературных мечтаний»: об исторической миссии каждого народа, о народности как принципе литературного развития, определение народности как «образа мыслей и чувствований, свойственных тому или другому народу», о необходимости связи литературы с народными истоками и т. п. — уже были высказаны в печати до Белинского, и ни одно из них не может претендовать на оригинальность. Почти к каждому из основных тезисов статьи Белинского Венгеров указывает параллельные высказывания и формулировки в статьях Полевого, Надеждина, Станкевича и др. Нужно добавить, что и сам Белинский неоднократно по поводу тех или иных суждений подчеркивал их обычность, принятость, общераспространенность и т. п.

Это заставило Венгерова поставить вопрос об оригинальности и значении «Литературных мечтаний». По мнению Венгерова, новизна их состоит лишь в том, что «десятки отдельных верных мыслей соединены здесь в одно органическое и прекрасное целое» (I, 450), что они высказаны с необычайным воодушевлением и со страстью, благодаря чему «сами по себе не новые» мысли Белинского «врезались в общее сознание» и «приурочены большою публикой» именно к нему. «Заслуга „Литературных мечтаний“ перед историей критической мысли в том и заключается, что их воодушевление сделало медленно устанавливавшиеся новые взгляды на русскую литера-

туру и ее главных деятелей всеобщим достоянием» (т а м ж е). Совершенно новых и оригинальных суждений Венгеров почти не находит в этой статье Белинского; он отмечает лишь, как совершенно новую, его оценку Марлинского.

Против такой оценки первого критического выступления Белинского следует решительно возразить. «Литературные мечтания» — не завершение определенного периода в истории русской критической мысли, но совершенно новая страница и в истории русской критики и в истории русского фольклоризма. Здесь впервые весь путь русской литературы осмысливался с точки зрения развития и воплощения в ней идеи народности, как идеи народного самосознания. Отдельные разрозненные высказывания и суждения предшественников Белинского приобрели в концепции Белинского цельность и принципиальное единство, вследствие чего они получили и новый смысл и значение. Фольклор до Белинского рассматривался как средство оживления литературы, как укрепление в ней национальных начал, как противопоставление различным иноземным влияниям, как средство обновления и обогащения языка. Вместе с тем обращение к фольклору как литературному источнику связывалось в той или иной степени с его идеализацией; наконец, он сплошь и рядом объявлялся единственным источником и критерием народности.

Для Белинского проблема фольклора в литературе выступает в ином плане. Связь литературы и фольклора для него — историческая категория, свидетельство органического и закономерного развития литературы, а не эстетическая норма или догма. Обращение к фольклору необходимо, поскольку без этого нельзя постичь дух народа, нельзя осмыслить его формирование и дальнейшее развитие. Но сама по себе эта «народная стихия», как явление определенного периода в развитии народа, должна быть преодолена и поднята в более высокую сферу. Белинский никогда не забывает о причинах возникновения народной поэзии и факторах, способствующих ее жизненности и устойчивости. Он признает прелесть народных песен, восхищается их художественными достоинствами, но общий фон народной жизни, обусловивший их возникновение и бытование, неизменно представляет ему «грубым» и «полудиким» (I, 329). Говоря о народной поэзии, он никогда не забывает, что она — создание младенческого периода в жизни народов (особенно характерна в этом отношении статья о стихотворениях Баратынского), понятие народной традиции для него неотделимо от признания «дремоты мысли» и «ее ограниченности» (I, 326). В этом плане он рассматривает и русскую жизнь в допетровскую эпоху. Она представляется ему «самобытной» и «характерной», но «односторонней и изолированной». Поэтому всякое чрезмерное подчеркивание этой стороны в литературе ведет неизбежно к отклонению от нормального, органического ее роста, ибо развитие литературы должно состоять в слиянии народной стихии с идеалами развития общества, в слиянии жизни народной и жизни общества. Воплощение этой задачи Белинский видел в творчестве Пушкина, которое отражало в русской форме, в национальном претворении все «современное ему человечество» (I, 363). Путь литературы — от фольклора к высшим формам и его преодолению, — иначе это будет отклонением от нормального развития и роста литературы. Таким отклонением и явился, по мнению Белинского, последний период русской литературы (п р о з а и ч е с к и - н а р о д н ы й, по его формулировке), наиболее характерными проявлениями которого служат прозаические сказки Дала, подражания народным сказкам в творчестве Пушкина и Ершова и другие аналогичные явления.

Белинский категорически отверг «Сказки» Пушкина, объявив их «плодом ложного стремления к народности». Эту оценку он несколько раз повторяет в «Литературных мечтаниях» и неоднократно возвращается к ней

в других своих статьях — в статьях 1836, 1838, 1841, 1843, 1844, 1846 гг., т. е. почти на всем протяжении своей литературной деятельности. Упорство, с которым Белинский возвращался к этой мысли, настойчивость и постоянство этих высказываний свидетельствуют об исключительно принципиальном и важном для него значении этой оценки. «Сказки» Пушкина он рассматривает как показательное свидетельство наступившего в творчестве поэта перелома и считает их моментом, определившим конец «пушкинского периода» в литературе. Отношение к сказкам Пушкина, в сущности, и явилось основанием для того, чтобы усматривать в «Литературных мечтаниях» проявление отрицательного отношения Белинского к народной поэзии. Однако из предыдущего изложения видно, что для такого суждения нет оснований; к тому же, в этой же статье Белинский одновременно дает высокую оценку «Вечерам на хуторе близ Диканьки», называя их «прекрасными сказками». Отсюда ясно, что отрицательному суждению Белинского о сказках Пушкина надо найти другое объяснение.

Может показаться, что есть противоречие между оценкой «Сказок» Пушкина и оценкой Ломоносова или Карамзина, которых Белинский упрекал в пренебрежении к народным источникам. Однако — это кажущееся противоречие: Белинский различает народность внутреннюю, органическую и народность внешнюю. Примером первой служит для критика Державин или Крылов; примером второй — Пушкин в его «Сказках». Народность выражается, — учит Белинский, — не в темах, взятых из древней истории или современной протонародной жизни, не в подделках под тон летописей или народных песен, не в подражании языку простолодинов (I, 384), но, как он говорил, характеризуя Державина, — в особом национальном «сгибе ума», в «русском образе взгляда на вещи». Народным нельзя стать по желанию или по заказу. Нарочитой (по Белинскому) народности «Сказок» Пушкина или «Конька-горбунка» Ершова он противопоставляет органическую и естественную народность Крылова, который «нимало не думал о том, чтоб быть народным», но «он был народен, потому что не мог не быть народным; был народен бессознательно», он даже «едва ли знал цену этой народности, которую усвоил созданиям своим без всякого труда и усилия» (I, 383).

Сущность проблемы создания национальной литературы для Белинского — в строгом учете различных элементов, которые ее составляют. Ее нельзя создать, обращаясь к чужеземным источникам, игнорируя собственные народные элементы, но ее нельзя построить и путем искусственного гипертрофирования этих последних. Таково основное положение «Литературных мечтаний». Оно отчетливо разясняется в одной из позднейших статей критика. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский, снова возвращаясь к центральной теме «Литературных мечтаний», спрашивает: «Что было бы, если б Ломоносов основал новую русскую литературу на народном начале?», т. е. на материалах народной поэзии и древнерусской литературы. И отвечает, что ничего бы не вышло. «Однообразные формы нашей бедной народной поэзии были достаточны для выражения ограниченного содержания племенной, естественной, непосредственной, полупатриархальной жизни старой Руси; но новое содержание не шло к ним, не улегалось в них; для него необходимы были и новые формы» (X, 395); другими словами, было необходимо органическое сращение, — и только тогда наша литература могла подвинуться «от абстрактного начала мертвой подражательности» — «к живому началу самобытности» (там же).

В этом позднейшем пояснении отчетливо раскрывается сущность воззрений Белинского на фольклор и его место в литературе и истории. В «Литературных мечтаниях» Белинский против стремления отождествлять фольклор и «народность», в чем он ошибочно заподозрил Пушкина.

Второй аспект на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия!

[illegible]

АВТОГРАФ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА НАРОДНУЮ ПОЭЗИЮ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ», 1840-е гг.

Лист первый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В таком отождествлении он видел идеализацию отсталости народной жизни в целом и отход от просветительских тенденций своего времени, — поэтому литературу, культивировавшую эти «простонародные начала», он рассматривает как «псевдонародную». Белинский принимает в данном случае господствовавшее в литературе 30-х годов противопоставление простонародности и народности. Такое противопоставление решительно делалось еще Любомудрами¹¹. Аналогичным образом трактовал в эти годы основные проблемы народности и роль в ней простонародных элементов Станкевич; он также не признавал художественного значения «Сказок» Пушкина и совершенно отрицательно отнесся к «Коньку-горбунку» Ершова. Станкевич шел даже гораздо далее Белинского. Он считал «Сказки» Пушкина «ложным родом» поэзии, изобретенным Пушкиным в момент, «когда начал угасать поэтический огонь в душе его»¹².

В 1837 г. Станкевич посетил славянские земли, был в Праге, где познакомился с Шафариком, Челаковским и другими деятелями национального движения. После посещения Шафарика он записывает в своем дневнике: «Чего хлопочут люди о народности? Надобно стремиться к человеческому, с в о е будет поневоле. Во всяком искреннем непроизвольном акте невольно отличается с в о е и чем ближе это с в о е к общему, тем лучше... Кто имеет свой характер, тот отпечатывает его во всех своих действиях; создавать характер, воспитать себя можно только человеческими началами; выдумывать или сочинять характер народа из его старых обычаев, старых действий — значит хотеть продолжить для него время детства; давайте ему общее и смотрите, что он способенее принять, чего нет и недостает ему. Вот эту народность угадайте, а поддерживать старое натянками, квасным патриотизмом, — это никуда не годится»¹³.

На первый взгляд может показаться, что у Белинского и Станкевича общее с Любомудрами пренебрежение к простонародности, — но это только чисто внешнее сходство. Любомудры под простонародным понимали демократические элементы народности. Белинский же видел в простонародном те элементы народной жизни, которые мешали демократическим слоям народа подняться на более высокую ступень культурного развития. Позиция Белинского в этом вопросе типично-просветительская и подлинно-демократическая¹⁴.

В историко-литературной науке наблюдались тенденции рассматривать «Литературные мечтания» как проявление своеобразного аристократического настроения, чуждого подлинному демократизму. Не приходится доказывать, что такой взгляд чудовищно извращает весь облик Белинского. «Литературные мечтания» — это просветительская статья, ее пафос в стремлении к уничтожению разрыва между низшими и образованными кругами общества.

Позиция Белинского в данном вопросе приближается к позиции Энгельса в его статье о немецких народных книгах (1839)¹⁵. И Энгельс и Белинский противопоставляют архаике и внешнему пониманию народности подлинные творческие начала, которые таятся в глубинных недрах народа.

Общая оценка эстетического значения народной поэзии, которая в «Литературных мечтаниях» дана как бы мимоходом и не развита подробно, неоднократно повторяется в последующих статьях Белинского, — порою в весьма категорической форме. В рецензии 1839 г. на «Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета», возражая Морошкину, который отмечал «недостаток развития» у русского народа воображения и эстетического чувства, Белинский писал: «Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность — воображение, эта память чувственных предметов и образов, но и высшая, творческая способность — фантазия и глубокое эстетическое чувство, — это доказывают

русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно-могучие, всегда выражающие широкий размах богатырской души» (IV, 319). Годом позже, в знаменитой статье о сочинениях Марлинского, Белинский, безоговорочно заявляя об исключительном богатстве «нашей народной или непосредственной поэзии», писал: «Не говоря уже о песнях, — один сборник народных рапсодий, известный под именем „Древних стихотворений, собранных Киршею Даниловым“, есть живое свидетельство обильной творческой производительности, которою одарена наша народная фантазия» (V, 130—131). В таком же тоне, хотя и мельком, упоминает он о «наивных и могущественных в своей целомудренной простоте» народных песнях, легендах и сказках в обзоре «Русская литература 1840 года» (V, 471). Наконец, в написанной вслед за этим «Обзором» рецензии на второе издание «Деяний Петра Великого» Голикова он дает обобщающую художественную характеристику русской народной поэзии в целом, выводя все ее особенности из свойств «духа народного». Несколько позже, в третьей статье о народной поэзии, Белинский провозглашает тезис о соответствии поэзии народа с его историею: «Поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историею; в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа, и потому его история может объясняться поэзиею, а поэзия — историей» (VI, 357). В рецензии на книгу Голикова это положение раскрыто на конкретном материале. Основными свойствами русского народного духа и его поэзии являются для Белинского «величие и могущество». Об этом, говорит он, свидетельствует и ряд великих исторических событий — быстрая централизация московского царства, поражение Мамая в Куликовской битве, свержение татарского ига, завоевание Казани, возрождение России при Петре; и обилие замечательных исторических деятелей — Александр Невский, Калита, Дмитрий Донской, Иоанн III и Иоанн IV, Годунов, Шеин, Скопин-Шуйский, князь Пожарский, мещанин Минин, святители Алексей, Филипп и Гермоген, келарь Авраамий Палицын и др.; и памятники фольклора — «произведения народной поэзии, запечатленной богатством фантазии, силою выражения, бесконечностью чувства, то бешено-веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля...» (XII, 274). Та же мысль проводится Белинским в рецензии на маленький сборничек былин и исторических песен Суханова. Здесь говорится: «...это книга драгоценная, истинная сокровищница богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если все родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце» (V, 434). Завершением и как бы окончательной сводкой всех этих отдельных, — часто попутных, брошенных мимоходом, — замечаний и суждений являются четыре статьи 1841 г., представляющие собою по внешней форме обширные рецензии на основные фольклористические сборники того времени, а по существу — целостный очерк русской народной поэзии.

III

В 1840—1841 гг. внимание Белинского неоднократно обращалось к вопросам фольклора. В 1840 г. вышел в свет упомянутый сборник Суханова, в этом же году появилось новое (третье) издание «Сказаний русского народа» Сахарова; в последующем году — его же «Русские народные сказки». Белинский отозвался на каждое из этих изданий (V, 433—434 и VI, 202—207), всякий раз обещая вернуться к этой теме более подробно и указывая на давний свой замысел написать специальную статью о сборнике

Кириши Данилова. Реализацией этого замысла и явился цикл статей 1841 г.¹⁶

Для правильного понимания статей Белинского о народной поэзии 1841 г. следует помнить об исключительном значении данного периода в идейном развитии критика — периода его революционно-демократического самоопределения. Центральной проблемой всех статей Белинского становится теперь борьба с крепостнической действительностью и всеми ее проявлениями в литературе. В первую очередь он обрушивается на реакционный романтизм, за которым отчетливо различал консервативные и реставраторские тенденции. Основная тема «Литературных мечтаний» — вопрос о связи народной культуры с культурным достоянием всего человечества получает теперь новое и более углубленное решение; лейтмотивом всех статей Белинского в этот период является борьба за народные интересы. В этом плане вопрос о значении и сущности народной поэзии приобретал для него огромное и первостепенное значение.

Статьи о русской народной поэзии, написанные в 1841 г., представляют собою первый в истории русской литературы и науки о фольклоре обобщающий очерк. Белинский затрагивает здесь серию важнейших вопросов, связанных с проблемами фольклора: вопрос о народности, о задачах изучения народной поэзии, о смысле ее, о методах собирания и публикации произведений народной поэзии, об историческом значении ее, о взаимоотношении художественной и народной поэзии. В этих же статьях Белинский дает характеристику отдельных жанров, отдельных сюжетов и образов русской народной поэзии.

Как и в «Литературных мечтаниях» и в ряде последующих статей, Белинский в статьях 1841 г. с большим воодушевлением и восторгом говорит о художественном обаянии народной поэзии. Он пишет о «величайшей поэтической силе» русских песен, о «глубоком и размашистом чувстве», об изящной иронии, тающихся в них. Он называет Киришу Данилова подлинным поэтом, «какой только возможен был на Руси до века Екатерины II».

Аналогичные суждения и оценки повторяются и в других статьях 40-х годов. Особенно следует выделить небольшую рецензию на сборник вологодских и олонекских песен Ф. Студитского (VI, 353), где, повторяя требования, высказанные еще в 1835—1838 гг. (в рецензиях на книгу Венелина и на сборники Ваненко и Бронницына), Белинский пишет о необходимости интенсивного и тщательного собирания памятников народной поэзии. Он настаивает на точности записи и особенно ставит в заслугу Студитскому тщательное сохранение им народных отличий.

В эти же годы Белинский неоднократно высказывается и о народно-поэтических элементах в художественной литературе. Он неизменно подчеркивает важность внесения этих элементов в литературу, но, как и в «Литературных мечтаниях», требует не слепого преклонения перед народной поэзией, а творческого ее переосмысления. С наибольшей ясностью основные точки зрения Белинского вскрываются в статьях о стихотворениях Лермонтова, где он дает мастерский анализ «Песни о купце Калашникове» (VI, 23—36).

Белинский стремится установить реалистическое понимание народности, противопоставляя ее романтическим концепциям, за которыми он видит архаизирующие и реставраторские тенденции. Он объявляет конец романтизму. «„Романтизм“, — пишет он, — давно уже уволен вставку, давно на покое, хоть и избитый, измученный, израненный — не столько своими врагами, сколько поборниками... „Романтизм“ в своем начале шел об руку с „народностью“, часто был принимаем за одно с нею; но — увы! — его уж нет, этого прекрасного молодого человека, столь энергического и пламенного, хотя немного и с растрепанными чувствами; его уж нет, — а „народность“ все еще скитается каким-то бледным призраком, словно заколдо-

ванная тень, и, кажется, еще долго ей страдать и мучиться, долго играть роль невидимки, какого-то таинственного незнакомца, о котором все говорят, на которого все ссылаются, но которого едва ли кто видел, едва ли кто знает...» (VI, 296).

Как и в «Литературных мечтаниях», Белинский противопоставляет подлинную народность — псевдонародности, которую он называет «сермяжной народностью». Он подробно останавливается на различных проявлениях этой внешней и узко-ограниченной этнографической народности. Например, в «Бедной Лизе» и «Марьиной роще» народность состояла в одних именах; они «столько же выражали содержание русской жизни, сколько французская трагедия выражала содержание греческой и римской». «Такова же и забытая драма Хомякова „Ермак“, в которой „русского духа слыхом не слышать, видом не видать“».

Еще меньше народности, по мнению Белинского, в русском историческом романе того времени, где вся народность состоит в том, что действующие лица называются Иванами и Петрами и титулуются по отчеству. Он делает подробный обзор явлений русской литературы с точки зрения народности, говорит об Измайлове, Погодине, о романах Загоскина и т. д. «Мы уважаем „Юрия Милославского“... — пишет он, — но решительно не понимаем в его других романах прелести ярмарочных сцен и языка героев этих сцен». Он пишет, что никак не может восхищаться многими произведениями Основьяненко «за то только, что в них мужики говорят чистым мужицким языком, и никак не выходят из ограниченной сферы своих понятий. Напротив, нам приятнее было бы в подобных произведениях встречать таких мужиков, которые, благодаря своей натуре или случайным обстоятельствам, несколько возвышаются над ограниченной сферой мужицкой жизни» (VI, 307). «Предпочитать же мужиков потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невежественны, предпочитать их образованным классам общества — странное и смешное заблуждение!» (VI, 306).

Особенно важна в этом плане оценка произведений Погодина, на что указал уже М. Филиппов. Белинский в свое время одобрил «Черную немочь» Погодина, так как увидел в ней изображение борьбы молодого купеческого сына, охваченного «святою жаждою знания», с грязной действительностью. Но когда тот же Погодин стал писать повести, где народность выражалась лишь в плоских шутках на простонародном жаргоне, то Белинский сказал, что это «верх романтизма», который «хуже всякого классицизма»¹⁷. М. Филиппов считал, что в этой оценке сказалось влияние Гегеля на Белинского. Однако в ней нет ничего существенно нового по сравнению с высказываниями Белинского в «Литературных мечтаниях», — и в данном случае можно говорить лишь о дальнейшем уточнении и углублении собственной точки зрения Белинского, чему, конечно, могло способствовать и знакомство с эстетикой Гегеля.

Филиппов имеет в виду, ближайшим образом, те страницы Гегеля, где он говорит о принципе отображения в искусстве действительности. Задача, — утверждает Гегель, — не в том, чтобы только точно отобразить действительность, но чтобы преобразить ее и поднять над уровнем обыденщины. «Почему голландская живопись есть истинное искусство, несмотря на изображение ею уличных и кабацких сцен? Потому, что у великих голландских мастеров такие сцены всегда одухотворены мыслью. Изобразить просто, как мужик пьет водку в кабаке, не есть еще искусство. Но когда мы видим картину бесшабашного веселья, удалства и беспечности или когда нам изображают нищего, который в своем рубище смотрит на мир более беззаботно, чем иной принц, то в таких изображениях мы видим уже до некоторой степени „победу духа“».

В учении Гегеля о «естественной» и «художественной поэзии» Белинский мог усматривать близкий ему самому протест против романтической идеа-

лизации первобытной поэзии и против идеализирующего противопоставления «простых» и «безыскусственных» форм народного творчества высшим созданиям человеческого духа. Гегелевская диалектика могла помочь Белинскому теоретически осмыслить и углубить то понимание народности и «простонародных элементов» в литературе, к которому пришел сам критик. Но там, где у Гегеля общая и теоретическая схема, у Белинского — конкретное, общественное и политическое содержание¹⁸.

«Противоположная сторона „народности“ есть „общее“, в смысле „общечеловеческого“. Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества...»,

ЗДАНИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, В КОТОРОЙ УЧИЛСЯ БЕЛИНСКИЙ

Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

и далее: «Без народного характера, без национальной физиономии, государство — не живое органическое тело, а механический препарат. Но с другой стороны, и национального духа недостаточно, чтоб народ мог считать себя существенным и действительным в общности мироздания... Чтобы народ был действительно-историческим явлением, его народность необходимо должна быть только формою, проявлением идеи человечества, а не самою идеею. Все особое и единичное, всякая индивидуальность действительно существует только о б щ и м, которое есть его содержание, и которого она только выражение и форма. Индивидуальность — призрак без общего; общее, в свою очередь, призрак без особого, индивидуального проявления. И потому люди, которые требуют в литературе одной „народности“, требуют какого-то призрачного и пустого „ничего“; с другой стороны, люди, которые требуют в литературе совершенного отсутствия народности, думая тем сделать литературу всем равно доступною и общею, т. е. человеческою, также требуют какого-то призрачного и пустого „ни-

чего". Первые хлопочут о форме без содержания; вторые — о содержании без формы» (VI, 308. Разрядка наша. — М. А.). Окончательный вывод критика таков: «Очевидно, что только та литература истинно-народная, которая, в то же время, есть литература общечеловеческая, которая, в то же время, и народна. Одно без другого существовать не должно и не может» (там же).

В том же году, когда были написаны статьи о народной поэзии, Белинский написал большую рецензию на сочинение Голикова «Деяния Петра Великого»¹⁹, в которой ставил частично те же проблемы, что и в названных статьях. В некотором отношении эта рецензия может рассматриваться как более ранняя редакция формулировок мыслей об истинно-народной литературе, которые развиты в статьях 1841 г. о народной поэзии. В рецензии на книгу Голикова Белинский как бы подводит итог всем своим высказываниям по вопросу о народности, о взаимоотношении «народного» и «национального», «народа» и «общества».

Белинский разграничивает понятия: «народность» и «национальность». Первое относится ко второму, как «видовое, низшее понятие — к родовому, высшему, более общему понятию» (XII, 260). Другими словами, Белинский понимает под «нацией» — «совокупность всех сословий государства», под «народом» же — лишь «низший слой государства». «Народ» еще не составляет «нации» в целом, но в понятие «нация» включается и «народ». Поэтому «песня Кириши Данилова есть произведение народное; стихотворение Пушкина есть произведение национальное» (там же); первая — доступна всем слоям общества, второе — только его образованнейшей части и «недоступно разумению народа, в тесном и собственном значении этого слова». Таким образом, основное противопоставление «Литературных мечтаний»: литература как выражение «духа народного» и литература как выражение общества — раскрывается в социально-исторических определениях. Вместе с тем, более точный смысл получает и понятие «народность», сопоставленное с понятием «национальность». «Народность», по Белинскому, есть понятие статическое, «национальность» — динамическое. Это разграничение становится основой его понимания русского исторического процесса. «Народность предполагает что-то неподвижное, раз навсегда установившееся, не идущее вперед, показывает собою только то, что есть в народе налицо в настоящем его положении. Национальность, напротив, заключает в себе не только то, что было и есть, но что будет или может быть. В своем развитии национальность сближает самые противоположные явления, которых, повидимому, нельзя было ни предвидеть, ни предсказать. Народность есть первый момент национальности, первое ее проявление» (XII, 263). «Но из сего отнюдь не следует, — добавляет Белинский, — чтобы там, где есть народность, не было национальности: напротив, общество есть всегда н а ц и я, еще и будучи только н а р о д о м, но нация в возможности, а не в действительности, как младенец есть взрослый человек в возможности, а не в действительности: ибо национальность и субстанция народа есть одно и то же, а всякая субстанция, еще и не получивши своего определения, носит в себе его возможность» (там же). Это и определяет сущность исторического развития России: до Петра она была «только народом» — и стала нацией вследствие д в и ж е н и я, данного ей ее преобразователем» (там же).

Национальность, таким образом, есть «совокупность всех духовных сил народа», и его история — «плод национальности народа». Этим определяется и роль простонародных элементов. «...Национальность состоит, — заявляет Белинский, — не в лаптях, не в армяках, не в сарафанах, не в сивухе, не в бородах, не в курных и нечистых избах, не в безграмотности и невежестве, не в лихоимстве в судах, не в лени ума. Это не признаки даже и народности, а скорее наросты на ней...» (XII, 266).

Белинский здесь использовал частично формулу Гоголя и забыл оговорить это. Видимо, заметив допущенный им промах, он вскоре вновь повторяет эту формулировку, точно указывая на этот раз ее источник. В обзоре русской литературы за 1841 г. он пишет: «Я не знаю лучшей и определенной характеристики национальности в поэзии, как ту, которую сделал Гоголь в этих коротких словах, врезавшихся в моей памяти: „Истинная национальность состоит не в описании сарафана, а в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа; когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами“» (VII, 34). Данное определение, по существу, очень близко тому, которое Белинский устанавливал в «Литературных мечтаниях», говоря о народной стихии у Державина.

Белинский еще раз вернулся к этому вопросу в статье «Русская литература в 1846 году», в которой писал, имея в виду славянофилов: «...одни смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародье, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе...» (X, 403). Возражая далее тем, кто утверждал, будто бы Петр уничтожил русскую народность, Белинский заявляет: «Это мнение тех, которые народность видят в обычаях и предрассудках, не понимая, что в них действительно отражается народность, но что они одни отнюдь еще не составляют народности. Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала, значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм» (X, 405).

Необходимо отметить большую близость формулировок Белинского к тому определению народности, которое давал Пушкин, боровшийся с узким и ограниченным пониманием национального и настаивавший на сочетании национального с общечеловеческим. Близость Белинского и Пушкина в вопросе о сущности народности была совершенно ясна Чернышевскому. В рецензии 1854 г. на «Песни разных народов» Берга он приводит в пример правильного решения проблемы народности определение Белинского, а несколько позже, в рецензии на анненковское издание Пушкина, где была впервые опубликована заметка Пушкина о народности, он писал по поводу последней: «Скольким людям, толкующим ныне о народности, нужно посоветовать вникнуть в смысл заметки Пушкина, набросанной двадцать пять лет тому назад, при самом начале этих толков»²⁰.

IV

Таким образом, центральным в концепции народности у Белинского становится вопрос о национальной физиономии народа, что тесно связано с основными проблемами, занимающими Белинского в начале 40-х годов о путях исторического развития России и судьбах русского народа. Это интерес и обусловил обращение Белинского к народной поэзии в 1841 г., и, конечно, статьи критика о ней носят в значительной степени и полемический характер. Поэтому-то сугубо неправ Венгеров, когда снимает этот момент, ссылаясь на хронологические даты. Действительно, в 1841 г. не произошло еще окончательного размежевания славянофилов и «западников», но славянофильские взгляды проявились не только с этого года, — они начали формироваться гораздо раньше и были, конечно, прекрасно известны Белинскому, хотя бы из устных высказываний славянофилов. Наконец, в не меньшей степени, статьи Белинского о народной поэзии являются полемикой и с представителями идеологии официальной народ-

ности. Что касается позднейших высказываний критика, в статьях 1844—1846 гг., то их полемический характер уже совершенно бесспорен.

Анализ Белинского направлен на то, чтобы вскрыть в народной жизни как ее отрицательные элементы, привнесенные в нее веками крепостнического рабства, так и те противостоящие силы, которые свидетельствуют о неустанной борьбе народа с темными сторонами своего быта. Он различает пассивное и активное начала в жизни русского народа, и в сущности его статья о народной поэзии — это страстная защита подлинных интересов народа, которого идеологи реакции хотели бы законсервировать, употребляя щедринское выражение, «властью темных преданий, завещанных историей».

Белинский дает подробнейший обзор всех сюжетов русских былин, анализирует исторические и лирические песни, стремясь разобраться в каждом виде народной поэзии и каждом сюжете с точки зрения их противоречий, которые создавала в народной жизни русская историческая действительность. В этом плане раскрывались в его критике и отдельные «нехудожественные» места тех или иных памятников. Он отмечает, например, ряд недостатков в «Слове о полку Игореве», — «но эти недостатки, — утверждает он, — заключаются не в слабости таланта певца, но в скудости материалов, какие могла доставить ему народная жизнь» (VI, 375). Таким образом, то, что критики Белинского называли проявлением отвлеченного эстетизма, в действительности являлось исторической критикой, т. е. критикой, исходящей из анализа конкретной исторической действительности.

Белинский, пожалуй, первый с такой отчетливостью понял и сумел показать, что за образами былинных богатырей скрываются определенные общественные отношения²¹. Примером может служить его анализ новгородских былин.

Новгородские былины Белинский рассматривал как самые выдающиеся по своему поэтическому достоинству и общественному значению; он считал, что вся остальная русская «сказочная поэзия» (Белинский имеет в виду здесь не сказки в собственном смысле, а богатырские сказки, т. е. былины; в данном случае, он применяет терминологию Сахарова) бедна по сравнению с ними и что в них открывается новый и особый мир, служивший источником форм и самого духа русской жизни, а следовательно, и русской поэзии; он утверждал даже, что эти былины — «ключ к объяснению всей народной русской поэзии, равно как и к объяснению характера быта русского» (VI, 425).

Былину о Василии Буслаеве Белинский понимал как «мифическое выражение исторического значения и гражданственности Новгорода»; это — «апофеоза Новгорода, столь же поэтическая, удалая, размашистая, сильная, могучая и столь же неопределенная, дикая, безобразная, как и он сам» (VI, 446). Лучшим местом в былинке он считал встречу Василия со старцем Пилигримищем, в котором усматривал своеобразный поэтический символ новгородской государственности и поэтическое возвеличение («апофеозу») Новгорода. «Старец держит на могучих плечах колокол в триста пуд; он холодно и спокойно, как голос уверенного в себе государственного достоинства, останавливает рьяность Буслаева» (VI, 448). Былину о Василии Буслаеве как бы дополняет былина о Садко. Если первая была, по мнению Белинского, апофеозом новгородской государственности, то былина о Садко, которую он считал «одним из перлов русской народной поэзии», есть поэтический апофеоз «Новгорода, как торговой общины»²².

Он так характеризует Садко: «Это уже не богатырь, даже не силач и не удалец, в смысле забияки и человека, который никому и ничему не дает спуска, который, подобно Васиньке Буслаевичу, не верует ни в сон ни в чох, а верует в свой червленый вяз; это и не боярин, не дворянин: нет,

испорченных погудать аверга не говоривать. Аме-
рия бусина (сестрица), сестрица и порета.
внуча; твоя сестрица дитяи оставаше ея
детице. Дитяи и аме мноты Варяжские; ох-
ва мноты мноты вдова, Амелия Миницкая,
и оставаша Вдова мноты мноты Вдова
Амелия Вдова. Будетъ Вдова сестрица
Вдова, отдала на мноты рудинае унотъ
ея во грамоты; а Вдова сестрица сестрица
мноты; Вдова мноты Вдова сестрица, -
мноты Вдова сестрица сестрица; отдала
мноты унотъ Вдова сестрица, - мноты Вдова.
Амелия Вдова сестрица. А и мноты унотъ
мноты твоя, сестрица во славномъ мноты.
Вдова, сестрица Вдова Вдова сестрица. Вдова
Вдова сестрица Вдова сестрица сестрица, в
сестрица, а Вдова сестрица сестрица, в
сестрица мноты, до мноты унотъ сестрица на-
мноты, - а и мноты сестрица уноты;
мноты Вдова сестрица сестрица, мноты
мноты сестрица сестрица, мноты сестрица
за мноты, мноты мноты сестрица, мноты.
мноты сестрица мноты Вдова, мноты
мноты, сестрица, сестрица мноты. Мноты
мноты сестрица сестрица: а и мноты
мноты сестрица, мноты, мноты, мноты, мноты,
мноты сестрица сестрица мноты мноты вдова
Амелия Миницкая на мноты на
мноты Вдова сестрица. А и мноты мноты
сестрица, сестрица, сестрица, сестрица,
сестрица на унотъ унотъ, - сестрица Вдова сестрица
сестрица; мноты сестрица Вдова сестрица
сестрица сестрица, сестрица на мноты сестрица,
мноты сестрица сестрица сестрица - мноты
мноты сестрица сестрица сестрица: « мноты
мноты мноты и мноты мноты мноты, мноты
сестрица на мноты мноты - мноты
мноты мноты, и мноты мноты мноты
мноты. А мноты мноты мноты Вдова,
сестрица сестрица, мноты сестрица сестрица
сестрица сестрица, мноты сестрица сестрица
мноты сестрица. Мноты сестрица сестрица
мноты сестрица, сестрица мноты мноты,
мноты сестрица, сестрица мноты мноты,

АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ
СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

это сила, удаль и богатырство денежное, это аристократия богатства, приобретенного торговлею, — это купец, это апофеоза купеческого сословия» (VI, 453).

Вообще же русские былины в целом, по мнению Белинского, наиболее полно отразили основные противоречия русской жизни: с одной стороны, великие народные силы; с другой — быт, не дававший им простора и выхода. Возникновение былин Белинский относил к татарскому периоду²³ и усматривал в них сохранившиеся следы сознания и нравственных критериев, сложившихся именно в этой обстановке, — отсюда, по его мнению, и характерные для былин внешне уродливые проявления героизма и удачи, идеалы дикой силы, идеалы «железного кулака и чугунного черепа»; отсюда же неприглядные формы взаимоотношений с женщиной — «оскорбительные» и «возмутительные» для чувства (VI, 391), как, например, в былине о Дунае или о Добрыне и Маринке; отсюда же, наконец, и слабость художественной концепции, неспособность прояснить действительность одухотворяющей мысли, которая могла бы вырваться из «ограниченной сферы народного быта».

Но вместе с тем Белинский отмечает и другие черты. Он показывает, как на этом однообразном фоне появляются порой иные проблески, свидетельствующие о великих возможностях, таящихся в народе. Героизм выражается в былинах в форме грубой физической силы, торжествующей над всеми препятствиями, но сам по себе героизм уже есть «первый момент пробуждающегося народного сознания жизни». Пусть он еще не принял вышших форм и остановился еще только на элементарных формах этого сознания, но в нем уже таится элемент начала духовности, «которой не доставало только исторической жизни, идеального развития, чтоб возвыситься до мысли и возрасти до определенных образов, до полных и прозрачных идеалов» (VI, 423). К числу этих моментов, свидетельствующих о будущем развитии, Белинский относил и проявление в былинах отваги и удали, этого «широкого размета души», которому море по колено, для которого и радость и горе равно торжество, «которое на огне не горит, в воде не тонет», народного сарказма и иронии над собственной и чужой удалью, способности «не торопясь... воспользоваться удачею и так же точно полатиться счастьем и жизнью» — и, наконец, проявление несокрушимой мощи и крепости духа, которые являлись в глазах Белинского «исключительным достоинством русской натуры».

Окончательный итог критика после сделанного им обзора был следующий: «Несмотря на всю скудость и однообразие содержания наших народных поэм, нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы заключающейся в них жизни, хотя эта жизнь и выражается повидимому только в материальной силе...» В грезах народной фантазии отражаются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства. И хотя «исполинская сила» как будто кажется только материальной, в действительности она сложнее и глубже: она соединена с отвагой, удальством и молодечеством, а в этом уже можно видеть «начало духовности», ибо последние свойства «принадлежат не одной физической силе, а и характеру и вообще нравственной стороне человека». «Одни эти качества — отвага, удаль и молодечество — еще далеко не составляют человека, — говорит Белинский, — но они — великое поручительство в том, что одаренная ими личность может быть по преимуществу человеком, если усвоит себе и разовьет в себе духовное содержание» (VI, 463). Былины дают исчерпывающий образ русского народа. «Русь, в своих народных поэмах, является только телом, но телом огромным, великим, кипящим избытком исполинских физических сил, жаждущим приять в себя великий дух, и вполне способным и достойным заключить его в себе» (там же).

Далее Белинский рассматривает исторические и лирические песни. Исторические песни, — по его мнению, крайне малочисленные, — он расценивает гораздо ниже былии и считает, что они «совершенно ничтожны и по содержанию, и по форме, и по историческому значению» (VI, 465).

Столь ошибочная оценка исторических песен объясняется прежде всего недостаточностью материала, каким владел Белинский. Белинский знал, как он и сам отмечает, не более десятка исторических песен, — естественно, что он мог вывести заключение, что поздняя историческая жизнь народа не отражена в народных песнях. К тому же, в изданиях того времени в число исторических песен не включались ни песни о Степане Разине, ни песни о Петре; первые относились к разряду или казачьих или разбойничьих, вторые обычно входили в число солдатских. Между тем, отсутствие среди исторических песен сюжетов о Петре, главным образом, и вызвало суждение Белинского об их неисторичности. Но он прекрасно понял историческое и общественное значение казачьего и солдатского циклов и настаивал на необходимости включать в разряд исторических песни о Ермаке и о Разине, как это и было принято позже составителями всех сборников и исследователями народной поэзии.

«Донские казачьи песни, — пишет Белинский, — можно причислить к циклу исторических, — и они в самом деле более заслуживают названия исторических, чем собственно так называемые исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое и привольное. Они и числом несравненно больше исторических песен; в них и исторической действительности больше, чем в последних, в них и поэзия размашистее и удалее» (VI, 470—471).

В солдатских песнях Белинский отмечает проявления яркого сочувствия к образу Петра: «великий преобразователь России прежде всех других своих подданных встретил к себе сочувствие в храбрых солдатах созданного им войска» (VI, 472). С историческими же песнями он сближает и так называемые «удалые» (т. е., по старой терминологии, разбойничьи) песни. Он дает им также самую высокую оценку: «здесь опять господствующий элемент — удалство и молодечество, а сверх того и ироническая веселость, как одна из характеристических черт народа русского» (VI, 475). И в данном случае можно подчеркнуть совпадение со взглядами Пушкина, доходящее чуть ли не до текстуальной близости. Пушкин также говорил об иронической насмешливости, как одной из характернейших черт и русских сказок и русского народа. В статье о Крылове он писал: «Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Повышенный интерес Белинского к казачьим и разбойничьим песням сближает его отношение к народной поэзии с аналогичным отношением декабристов²⁴. Это, разумеется, не случайно. По определению Ленина, Белинский является «предшественником полного вытеснения дворян разнчинцами в нашем освободительном движении»²⁵. Он является предшественником Добролюбова и Чернышевского и соединительным звеном между ними и первым поколением революционеров — еще из дворянской среды, т. е. декабристов. Естественно, что у Белинского мы неоднократно встречаем проявление тех же тенденций в отношении к народной поэзии, которые были характерны для декабристов. В этом плане понятно и его совпадение с Пушкиным в понимании народности. Белинский, как и декабристы, как Пушкин, как ранее Радищев, прежде всего искал в народной поэзии элементов протеста, элементов, свидетельствующих о народном достоинстве и наличии в народе сил для своего освобождения. Поэтому-то Белинский, сурово осудивший «сказки» Пушкина, с глубочайшим восторгом приветствовал «Песнь о купце Калашникове» Лермонтова, в которой, по

его мнению, поэт показал себя подлинным и истинным певцом народности. Поэма Лермонтова, по определению Белинского, — «создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное». Лермонтов в ней, уверяет Белинский, выразил подлинное ощущение народности лучше, чем сами безымянные творцы народных произведений. Они были слишком связаны «с веющим в них духом народности; они не могли от нее отделиться, она заслоняла в них самую же себя»; Лермонтов же творчески преодолел ее влияние, он подошел к ней не как раб, но как властелин, он показал «свое родство с нею, а не тождество», и потому сумел поднять ее в более высокие сферы духа. «Он показал этим только богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества; показал, что и прошедшее его родины так же присуще его натуре, как и ее настоящее» (VI, 35). По этой же причине из всех пушкинских сказок Белинский выше всего ценил балладу «Женитьба», видя в ней проявление тех же чувств протеста против быта и отказа от безусловного ему подчинения.

В последнем разделе своей статьи Белинский говорит о собственно лирической поэзии, в которую он включает не только семейные песни, но, как это принято и теперь, и балладные песни типа песен о Дмитрии и Домне.

Характеристика лирических песен, которую дает Белинский, принадлежит к числу лучших страниц, посвященных им народной поэзии, и, быть может, к одним из самых проникновенных по своему взволнованному пафосу во всей фольклористической литературе. В отличие от эпической поэзии, в которой преобладают мотивы удалества, отваги, молодечества, в народной лирике преобладает заунывность, тоска, грусть сильной и мощной души; нередки в ней также мотивы отчаяния и ожесточения. Причины этого Белинский видит в особенностях исторического развития России, а также в ее климате и географическом положении. «Междуусобия и темное владычество татар, которые приучили русского крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь, и все свое скудное достояние — чужою собственностью, ежеминутно готовую отойти во владение первого, кто, с железом в руке, вздумает объявить на нее свое право... Далее кровавое самовластительство Грозного, смуты междоусобиц, — все это так гармонировало и с суровою зимою, и с свинцовым небом холодной весны и печальной осени, и с бесконечностью ровных и однообразных степей. Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым его потом, то пустое, незасеянное или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою боярина...» (VI, 476). Особенно подчеркивает Белинский суровость семейного быта древней Руси, являющегося «первым и непосредственным источником народной поэзии». При таких условиях вполне понятно, что в наших песнях преобладают грустные тона.

Белинский здесь в не ш н е совпадает со славянофилами, в частности с Бодянским, который сходным образом объяснял причины «заунывности» русских песен. Некоторые выражения и формулировки Белинского прямо напоминают соответственные высказывания Бодянского. В рецензии на сборник Коллара («Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии...») Бодянский писал, характеризуя песню «северных руссов»: «Разве вы забыли место жительства, этот хладный, нестерпимо тяжелый, нерадостный, печальный, скупой Север, с его вечно насупленными бровями, вечно кислым лицом, с его мрачными, дебристыми лесами, пасмурным небом, и в праздник и в будни белым саваном, с его бедною, пустынною, чахлою природою, с его необозримыми песками, топями и болотами, лениво тянущимися на несколько сот верст, с его всеобщою обычною скудостью? Разве вы забыли курные избы его обитателей, их бесцветное настоящее,

их нищенский быт, их сидячее, отшельническое, сжатое крепко на-крепко морозами житье, для коих лучинушка да корец квасу с ломтем черствого хлеба, да луковка — рай земной? Вы забыли этот горемычный, бесприветный, чуждый всякой людскости Север — царство зимы, вьюг, мятелей и буранов»²⁶ и т. д.

Но Белинский придавал этим факторам иной смысл и иную трактовку. Там, где Бодянский видел некую гармонию, Белинский усматривал трагедию; Бодянский в идиллических очертаниях изображал старый семейный быт древней Руси, являющийся «главнейшим источником народной поэзии», — Белинский же, со своих позиций революционного просветительства, видел в нем явление, которое «трудно понять» и которому «трудно поверить». Бодянский считал, что народ отказался от участия в политической жизни, предоставив все государям; сам же народ «не был действителем», — Белинский категорически снимает всякого рода утверждения о пассивности русского народа, о его отказе от участия в политической жизни; он признает только, что активная сторона народного характера, определившая главную черту русского народного эпоса, не нашла отражения в народной лирике: «Русская эпическая поэзия как будто совсем обошла и миновала семейный быт, посвятив себя преимущественно идее народности в общественном значении», — лирическая же поэзия вся целиком посвящена семейному быту и «вся выходит из него». Отсюда и их различный характер.

Но тут же Белинский дает совершенно иную интерпретацию мотивов тоски и грусти в русской народной поэзии, решительно расходясь в этом отношении и с Бодянским и другими авторами, писавшими о народной песне. Страницы, посвященные Белинским анализу сущности и значения мотива грусти в русской лирике, поражают своей проникновенностью, глубиной и силой страстного чувства: здесь сказались и глубочайшая вера Белинского в русский народ и его будущее, и его восхищение перед волнующей и пленительной русской народной песнью. «...Грусть русской души, — пишет Белинский, — имеет особенный характер: русский человек не распыляется в грусти, не падает под ее томительным бременем, не упивается ее муками с полным сосредоточением всех духовных сил своих. Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой. Все, что могло бы обессилить и уничтожить всякий другой народ, все это только закалило русский народ, — и то, что сказал Пушкин о России в ее отношении к ее борьбе с Карлом XII, можно применить к Руси в отношении ко всей ее истории:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Белинский придавал исключительное значение мотиву грусти в народной поэзии. В статье 1841 г. о народной поэзии он говорит о нем только вскользь и ограничивается лишь краткой характеристикой «русской грусти» в связи с общим характером русских лирических песен, но в статье о «Деяниях Петра Великого» Голикова он более подробно развивает свою мысль. Он объявляет мотив грусти общим для всей русской поэзии: и народной и художественной, — и считает, что именно в нем выражается то общее, что «связывает простонародную поэзию с поэзией национальной» (VI, 185; XII, 265). Сильнее всего это проявилось в поэзии Пушкина.

Пушкин, — утверждает Белинский, — национален не в своих «сказках», где он выступает только подражателем, но там, где ему удается воплотить в своих стихах грустный тон русских песен. Таким образом, грустный тон нашей народной поэзии возвышает ее над уровнем узко-народного, т. е.

простонародного, и переводит ее в сферу общенациональную. Народная поэзия принадлежит к тем же «субстанциональным свойствам русского народа», как и другие черты его характера: бодрость, смелость, находчивость, переимчивость, молодечество, удалство, разгул. А эти черты характерны не только для человека древней Руси, но и для современного человека. Современный русский образованный человек родной брат тому, «который некогда, приложив руку к уху, певал богатырским голосом на весь божий мир: „Высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота океан-море?“» и т. д. (XII, 265).

Таким образом, статья 1841 г. о народной поэзии, которая так часто представлялась и представляется отрицанием художественного значения русской народной поэзии, проявлением неуважения к духовному богатству народа и выражением некоей культурной гордыни, в действительности оказывается одной из самых пламенных и страстных в русской литературе деклараций, свидетельствующих о преклонении Белинского перед великими силами народа и его поэзией. Не впадая в преувеличение, можно смело сказать, что ни до, ни после Белинского в русской литературе не было такой проникновенной статьи о русском народном творчестве в целом, исполненной такого пафоса и такого чуткого внимания к ее красоте и силе поэтического чувства²⁷.

V

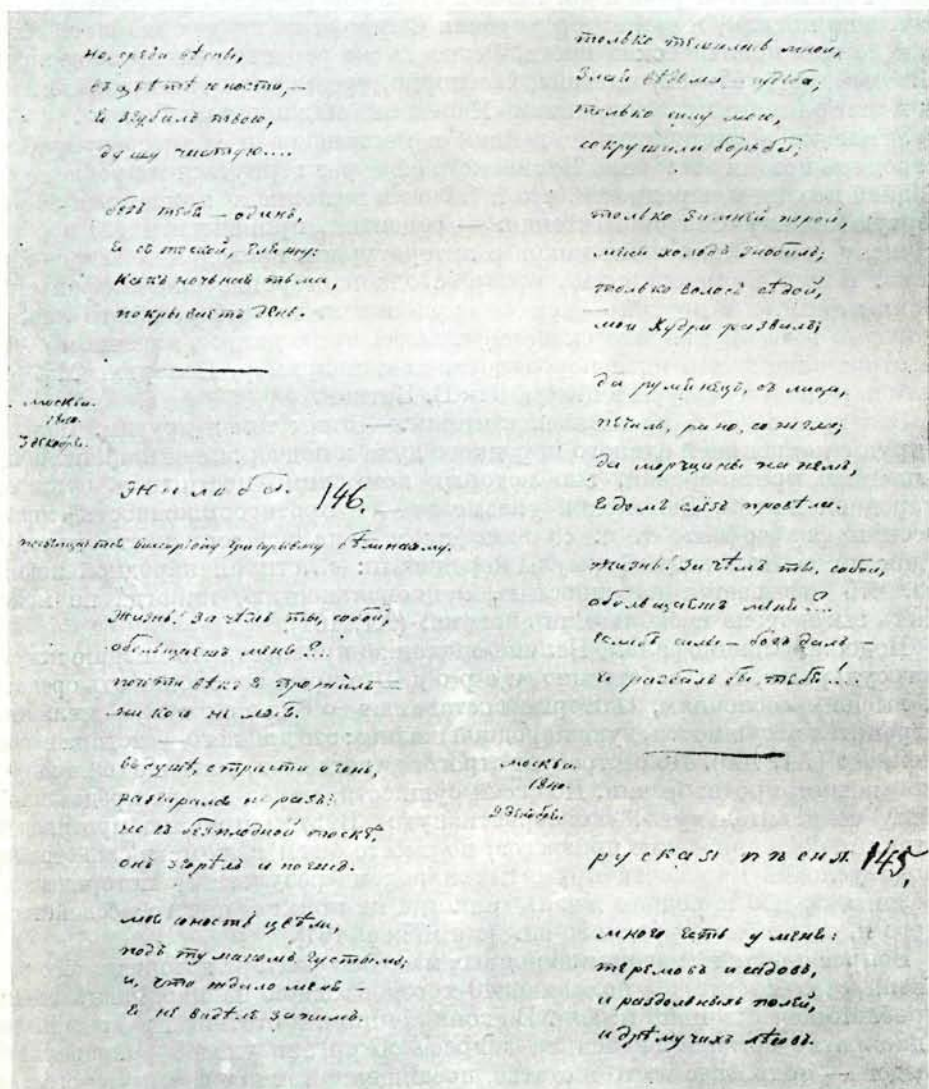
В статьях о народной поэзии 1841 г. и в рецензии (того же года) на книгу Голикова конкретно раскрываются эстетические критерии, с которыми подходил к народной поэзии Белинский. Они вытекают из его общего понимания народности. «Только та литература истинно-народная, которая в то же время есть литература общечеловеческая, которая в то же время и народна. Одно без другого существовать не должно и не может» (VI, 308). Белинский неизменно подчеркивает ограниченность возможностей народной поэзии. Русские песни, созданные народом, он считал ниже песен Кольцова, а былины и исторические песни уступающими по красоте и силе «Песне про купца Калашникова». Это потому, что красота и сила народных песен отражают только отдельные «элементы народного духа и поэзии», тогда как для совершенного произведения нужна единая, обобщающая идея, которая и создает «цельность, единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы» (X, 285—286). Эту идею может внести только поэт. Поэтому так велик Лермонтов, поэтому «Жених» Пушкина выше народных баллад, которые лежат в его основе. Этим же определяется и значение Кольцова: он слил свою жизнь с жизнью народа, охватил все ее стороны, впитал в себя весь народный быт и народные формы его изображения, но, вместе с тем, он поднялся над ним и сумел перенести его в «высшую сферу». В произведениях Кольцова народная поэзия «уже перешла через себя и коснулась высших сфер жизни и мысли».

Наиболее четкое выражение мыслей Белинского по этому вопросу мы находим в его позднейшей статье «Мысли и заметки о русской литературе» (1846). Определяя общенациональное и общечеловеческое значение великого поэта и выясняя соотношение личного таланта и исторической обстановки, он писал: «Содержание дает поэту жизнь его народа, следовательно достоинство, глубина, объем и значение этого содержания зависят прямо и непосредственно не от самого поэта и не от его таланта, а от исторического значения жизни его народа» (X, 142). В этой формуле ключ и к основной концепции Белинского о сущности народной поэзии. Ее сравнительная бедность по отношению к творчеству великих писателей находит объяснение, по Белинскому, в относительной скудости идейного содержания народной жизни: народная поэзия связана и ограничена бытом.

В статьях 1841 г. Белинский подытожил и свел в единую систему все свои мысли и суждения о русской народной поэзии и народной поэзии вообще. В статьях последующих лет он касается этой темы только вскользь по различным поводам, оставаясь неизменно на тех же позициях. Из статей этого периода, затрагивающих, в той или иной степени, эти проблемы, следует назвать: статьи о стихотворениях Кольцова (1843 и 1846); рецензии (1844) на книгу Евлампия «Амарантос», на диссертацию Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» и на брошюру Н. Полевого «Старинная сказка об Иванушке-дурачке»; обзоры «Русская литература в 1844 году» (1845), «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (1847), «Мысли и заметки о русской литературе» (1846); рецензию на «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» (1847), заметку о книжке «Повести для детей» (1847), рецензию на книгу М. Эмана «Главные черты из древней финской эпосеи Калевалы» (1847), рецензию на четвертую книжку «Сельского чтения», издаваемого В. Одоевским (1843), пятую (1844), восьмую (1844) и одиннадцатую (1846), статьи о Пушкине, рецензию на «Историю Малороссии» Маркевича (1847), несколько рецензий разных лет о сказках 1001 ночи и некоторые другие.

Эти позднейшие статьи наиболее часто привлекались в качестве «ярких примеров» отрицательного отношения Белинского к народной поэзии, — в особенности такие статьи, как рецензия на книгу Костомарова, суждение о Калевале и т. п. И в самом деле, из этих статей можно привести не малое количество цитат, которые, на первый взгляд, как будто, оправдывают такого рода выводы. Однако в действительности вопрос гораздо сложнее, и более внимательный анализ выяснит полное единство статей 1843—1847 гг. со статьями 1841 г. Все это говорит о недопустимости выводов на основании отдельных, изолированных цитат, в отрыве от целостного контекста и всей системы мыслей Белинского, выраженных не в одной, но в ряде статей на близкие темы. Пожалуй, наиболее резким тоном по отношению к народной поэзии отличается рецензия 1844 г. на книгу «Амарантос, или розы возрожденной Эллады» Георгия Евлампия. В ней Белинский, кратко формулируя основные этапы развития литературы, писал: «Псевдоклассики... жестоко ошибались, забывая, что всякий возраст имеет свою поэзию и что у народа, как и у частного лица, есть свое время младенчества, юности и возмужалости; сверх того, они не знали, что в детском лепете народной поэзии хранится таинство народного духа, народной жизни и отражается первобытная народная физиономия. Псевдоромантизм, возникший в начале XIX века, убил французский псевдоклассицизм. Тогда все европейские литературы, по закону диалектического развития мысли, перешли в противоположную крайность: народные песни и сказки сделались предметом безусловного уважения и начали возбуждать неосновательный восторг... В то же время все бросились собирать свои народные песни и переводить чужие. Все это было очень полезно во многих отношениях; но, тем не менее, крайность была смешна. Слава богу, теперь это народное беснование уже прошло: теперь им одержимы только люди недалекие, которым суждено вечно повторять чужие зады и не замечать смены старого новым...» и т. д. (VIII, 454—455. Разрядка наша. — М. А.). Здесь Белинский как будто высказывается уже против необходимости дальнейшего собирания фольклора. Однако в написанной, примерно, на месяц позже рецензии об «Иванушке-дурачке» Полевого он вновь подчеркивал полезность и важность собирания народных песен и сказок. «Все согласились в том, — пишет он в этой рецензии, — что в народной речи есть своя свежесть, энергия, живописность, а в народных песнях и даже сказках — своя жизнь и поэзия, и что не только не должно их презирать, но еще и должно их собирать, как живые факты истории языка, характера народа» (VIII, 534).

В этой же статье (об «Иванушке-дурачке» Полевого) Белинский раскрывает и причины страстности своего тона в высказываниях на данную тему. Это — ответ на интенсивную деятельность реакционного фронта. Та широкая мобилизация фольклорных материалов, которую проводили «Москвитянин» и, особенно, «Маяк», не могла не вызвать серьезнейшего

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ КОЛЬЦОВА «ЖАЛОБА», ПОСВЯЩЕННОГО БЕЛИНСКОМУ

В печати это стихотворение 1840 г. известно под названием «Расчет с жизнью»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

беспокойства со стороны Белинского. Он видел, что народная поэзия становится одним из сильнейших орудий в руках реакции, и считал совершенно необходимым дать решительный отпор таким тенденциям в литературе и науке. Отрицательное отношение Белинского к диссертации Костомарова, несомненно, вызвано прежде всего восторженными отзывами о нем реакционных журналистов; к тому же, в данном труде Костомарова

звучали и нотки монархических тенденций. Совершенно правильно уловил Белинский и реакционный характер вычурной книжки «Амарантос, или розы возрожденной Эллады». Примыкая внешне к филэллинистическому направлению в русской и мировой литературе, книга Евлампиоса, однако, являлась в значительной степени ревизией позиций ранних авторов (Форизаль, Лемерсье и др.). В ней были совершенно вытравлены псли-тические мотивы, и сам автор упрекал Форизаля за включение в его сборник боевых политических песен. Резкость же рецензии на перевод книги М. Эмана (XI, 57—62) вызвана, бесспорно, чрезмерно панегирическим тоном автора и его превознесением «Калевалы» над поэмами Гомера.

Усиление реакционных тенденций в постановке и трактовке проблем народной поэзии заставило Белинского еще раз вернуться к проблеме народной поэзии и народности, что и было им выполнено в рецензии на четвертую книжку «Сельского чтения» — рецензии, принадлежащей, вообще, к числу важнейших памятников в литературном наследии великого критика. В ней Белинский дает отпор, с одной стороны, славянофильским концепциям, а с другой — тем «космополитам» из либерального лагеря, которые в своей критике славянофильства приходили, в конечном счете, к отрицанию самой идеи народности, как, например, Валерьян Майков, или народной культуры в целом, как В. Боткин.

Рецензия 1847 г. на «Сельское чтение» — ответ тем и другим. Полеми-зируя с концепцией единого народного духа и подчеркивая наличие общественных противоречий, вне которых немисливо постигнуть сущность народной жизни, Белинский указывает — в противоположность «мисти-ческим философам», т. е. славянофилам — на невозможность какой-то единой всеобъемлющей формулы народности: «...стихия народной жизни, то, что называется народностью, национальностью, никогда не может быть выговорена несколькими словами» (XI, 161).

Подобно славянофилам, Белинский также признает, что низшие классы в государстве, т. е. собственно н а р о д, — в противоположность средним и высшим сословиям, «которые составляют о б щ е с т в о», — являются «хранителем сущности, духа народной жизни»; это для него — «истина несом-ненная» (XI, 160). Но он требует строгого учета всех, имеющихсся в народ-ной жизни, противоречий. По своей сущности, народ всегда представляет силу «охранительную», «консервативную». В этом причина противодей-ствия народа движению прогресса, но вместе с тем в этом же свойстве на-рода условие прочности принятых народом «результатов исторического развития», ибо народная жизнь «никогда не примет ничего несвойствен-ного и, стало быть, вредного ей» (т а м ж е, 161).

Вопрос о роли и значении народных масс как фактора исторического раз-вития стал во второй половине 40-х годов одной из кардинальнейших проблем общественной мысли. В своих лекциях и статьях Грановский не-однократно останавливался на вопросе об организующей роли великих людей — подробнее всего в статье, посвященной книге французского уче-ного Ф. Мишеля «История проклятых пород во Франции и Испании» (*L'histoire de races maudites de la France et de l'Espagne*. Paris, 1847). Основной тезис Грановского заключался в утверждении, что «массы кос-неют под тяжестью исторических и естественных определений» и только отдельная личность «силою мысли» может от них освободиться. В этом разложении масс мыслью и заключается, по Грановскому, прогресс исто-рии²⁸.

Статья Белинского о «Сельском чтении» в значительной степени является ответом Грановскому. Грановский, в сущности, отрицал творческую роль народных масс в историческом развитии. Белинский стремится установить подлинное соотношение основных исторических сил. Признавая огромную роль за передовыми деятелями, принадлежащими к образованной верхушке

общества, Белинский подчеркивает необходимость их органической связи с народом. «Личность вне народа есть призрак» и «народ вне личности есть тоже призрак». «Одно обуславливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы». Из этого положения вытекает для Белинского и программа общественной деятельности. Он с негодованием отвергает суждения реакционеров, которые «презирают народ, видя в нем только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений, — говорит он, — это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе» (XI, 162). Вместе с тем Белинский отмечает и всякого рода либеральные разглагольствования (вроде суждений Боткина и его единомышленников): «жестoko ошибаются и те, кто, искренно любя народ и сочувствуя ему, все же утверждает, что народ совершенно необразован и что у него вовсе нечему учиться». Но самую крупную ошибку совершают люди, думающие, что «народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов и что он может от них только портиться нравственно». Это относится уже всецело к славянофилам. «Нет, господа мистические философы, — восклицает Белинский, — нуждается да еще как! Народ — вечно ребенок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителен, человек и зверь» (там же). Белинский рассматривает народ, как силу непосредственную; это сила «великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слепая в ее торжественных проявлениях» (XI, 163). Народ нуждается в просвещении, в усвоении культуры, «как ребенок нуждается в перенимании от взрослых». Важно только, чтоб при этом руководстве «не забыть народа» и не навязывать ему того, что противоречит его историческому развитию и органическому росту.

Белинский завершает свои суждения о народной поэзии признанием закономерности исторического развития народа, утверждением необходимости считаться с результатами этого развития и признанием значения народной культуры. Это определяет, в конечном счете, и его понимание народной поэзии, в которой он всегда видел выражение основной сущности народной культуры и народной жизни.

Эти утверждения (об историческом развитии народа, о народной культуре, о взаимоотношениях народных масс и образованных классов и т. д.) приобретают особое значение и особую направленность, если учесть, что они сделаны в период «Письма к Гоголю». Это обстоятельство позволяет осмыслить и то, что Белинский не мог сказать в журнальной статье по цензурным соображениям. Из «Письма к Гоголю» ясно, в чем видел Белинский сущность и смысл дальнейшего исторического развития народа, как он понимал сущность «уроков» народу со стороны образованных классов и что противоречило в его глазах историческому развитию и органическому росту народа.

Но Белинский еще не мог подняться до четких формулировок позднейших революционных демократов, которые видели в народных массах основной фактор исторического процесса. Сознание трагических противоречий народной жизни и того, что революционные продолжатели и последователи Белинского называли крестьянской пассивностью, заставляло Белинского с наибольшей силой подчеркивать отсталые стороны народной жизни и народной культуры. Отсюда и те характерные для раннего революционного просветительства оговорки и даже порой некоторые противоречия во взглядах на народную поэзию.

Таким образом, во взглядах Белинского на фольклор есть и свои сильные, и свои слабые стороны. Ошибки его легко вскрываются и объясняются при историческом подходе к науке о фольклоре. Не замалчивая этих оши-

бок и преодолевая их, мы берем и осваиваем в наследии Белинского то великое и ценное, что внес он в дело изучения русской народной словесности. Он видел в ней проявление различных сторон народной жизни со всеми ее социальными и нравственными противоречиями. Он поставил вопрос о необходимости дифференцированного отношения к народному творчеству и тем самым нанес решительный удар по односторонним интерпретациям, которые шли из рядов славянофильской и реакционной критики. Особенно стремился он разрушить установленную славянофилами легенду о смирении, как главной особенности русского характера, отраженной в фольклоре. В печати он мог только очень осторожно, намеками указывать на этот момент. Так, например, когда Шевырев в одной из своих статей подчеркнул наличие в творчестве Кольцова «наклонности к философско-религиозной думе», связывая это с чертой, которая «таится в простонародьи русском», Белинский сумел кое-как протащить сквозь цензурные рогатки возражение, которое, конечно, не раскрывало до конца его подлинных мыслей. В статье «Литературные и журнальные заметки. Несколько слов Москвитянину» он писал: «Неправда: где доказательства этого элемента в нашем простонародии? Уж не в народной ли русской поэзии, где его нет ни следа, ни признака?» (VIII, 285). Но с предельной ясностью он высказался по этому поводу в «Письме к Гоголю»: «По вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм; благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать». И далее: «Русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем»²⁹.

Мысли Белинского о народной поэзии подверглись, как было указано, грубому искажению у его прямых идейно-политических противников и у тех представителей буржуазного либерализма, которые выдавали себя за последователей великого критика. На его авторитет и суждения пытались опереться, в частности, и представители тех «космополитических» течений в общественной мысли, которые отрицали народную культуру и не верили в творческие силы народа. В этой путанице и фальши, созданной реакционной и либерально-буржуазной критикой вокруг имени Белинского, источник тех ложных представлений о его взглядах на фольклор, которые так долго господствовали и в академической науке. Правильную интерпретацию и дальнейшее развитие воззрения Белинского на народную поэзию впервые получили у вождей революционной демократии 60-х годов — Чернышевского и Добролюбова, а тем самым они оказали и огромное творческое воздействие на дальнейшее развитие науки о фольклоре.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ С. Бураковский. Русская народная поэзия и Белинский. СПб., 1871.

² Там же, стр. 24.

³ А. С. Архангельский. Введение в историю русской словесности. Казань, 1915, стр. 212 и сл. О «литературном доктринерстве» Белинского в вопросах народной поэзии писал также Н. Трубецкой в книге: «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века». СПб., 1912, стр. 437—442 и мн. др.

⁴ «Отеч. зап.», 1871, № 7.

⁵ М. Филиппов. Гегель и Белинский об искусстве. — Сб. «Памяти В. Г. Белинского», М., 1900, стр. 105.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIII, М.—Л., стр. 180.

⁷ Там же, стр. 183—189.

⁸ «Литературный критик», 1936, № 7.

⁹ Стихотворение «Русская быль», первое печатное произведение Белинского, появилось в маленьком журнальчике «Листок» (1831, № 40—41). Ср. «Полное собр. соч.

Белинского», т. I, стр. 146—147. Венгеров сопровождал текст обширным комментарием, в котором доказывал, что «Русская быль» не имеет ничего общего с русской народной поэзией. Это совершенно неверно. Сюжет «Русской были» соответствует ряду народных баллад. См. «Русская баллада». Предисл., ред. и прим. В. И. Чернышева. — «Библиотека поэта», Л., 1936.

¹⁰ Это выделение Франции удачно объяснено П. И. Лебедевым-Полянским в его книге «В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность» М.—Л., 1945: «Это исключение для Франции критик сделал потому, что перед ним ярко и живо вставали картины французской революции, картины движения масс, уничтожения феодализма, картины избавления народа от рабства. Критик понимал, что французская революция 1789 года, хотя и была буржуазной, но несла народу, правда не полное, но определенное освобождение» (назв. соч., стр. 127).

¹¹ См. нашу статью «Фольклоризм Лермонтова». — «Лит. наследство», т. 43—44, стр. 231—233.

¹² «Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840». М., 1914, стр. 276.

¹³ Там же, стр. 754.

¹⁴ Более подробно см. в названной выше статье «Фольклоризм Лермонтова». Воззрения Любомудров на «народность» и «простонародность» своеобразно отразились у Венелина. В книжке «Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности» (М., 1834) Венелин нарочито указывает, что «слово народный не следует смешивать со словом простонародный» (стр. 32), разъясняя это на примере происхождения песни: «песня всегда зарождалась в самой благородной части народа, т. е. в той, где было более жизни и чувствований» (там же). Белинскому чуждо такое противопоставление.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 26—34.

¹⁶ К статье о сборнике Кирши Данилова Белинский приступил, как можно думать, еще в конце 30-х годов. Основанием для такой гипотезы служит для нас незаконченная статья «Общий взгляд на народную поэзию и ее значение» (VI, 548—552). Этот набросок был сперва опубликован Кетчером («Сочинения Белинского», изд. К. Солдатенкова, т. XII), рассматривавшим его как «позднейшую переделку» первой статьи 1841 г. Венгеров отверг это предположение и считал данный отрывок началом какой-то «написанной совершенно заново» статьи (VI, 635). Однако и он считал эту статью более поздней, относящейся к периоду 1841—1848 гг. Но более вероятно считать этот набросок ранней редакцией первого очерка из цикла статей 1841 г. о народной поэзии. По характеру же своему, по терминологии, по выражению основных положений он примыкает к кругу статей 30-х годов. Очевидно, замысел дать специальный очерк о сущности народной поэзии и определение понятия «народность» возник у Белинского вслед за появлением «Литературных мечтаний», однако по каким-то причинам он оставил этот замысел, и позже, вновь вернувшись к этой теме, использовал первые строки прежнего наброска. Возможно, что эта статья — есть первый набросок статьи о сборнике Кирши Данилова, о которой он неоднократно упоминал в старых статьях 1839—1840 гг.

¹⁷ «Памяти Белинского...», стр. 105.

¹⁸ Очень четко выражены мысли Белинского по этому вопросу в статье «Ничто о ничем»: писатель может описать «всю отвратительность низших слоев народа, кабака, площади, избы, словом черни, но никогда не уловит жизни народа, не постигнет его поэзии...» (II, 357).

¹⁹ Опубликовано в виде двух статей в «Отеч. зап.», 1841, № 4 и 5; в «Полном собр. соч.» под ред. С. А. Венгерова они помещены в т. VI (стр. 118—143 и 179—198); обе эти статьи были совершенно искалены «цензурным синедрионом» (по выражению Белинского), особенно пострадала вторая («Отеч. зап.», 1841, № 5), которая являлась наиболее важной для Белинского, так как именно в ней он высказал ряд принципиальных соображений о сущности русской культуры и роли реформ Петра. Как сообщал в письме к Боткину Белинский, «ее напечатана только треть, и смысл весь выключен». В VI томе «Полн. собр. соч.» С. А. Венгеров воспроизвел текст по журнальной публикации. Но в т. XII того же издания данная статья напечатана вторично (В. С. Спиридоновым) по рукописи, обнаруженной Н. О. Лернером в архиве Юргенсона (см. т. XII, стр. 256—291). Все цитаты из этой статьи нами приводятся по т. XII «Полн. собр. соч.». Подробное описание рукописи Белинского см. во втором томе настоящего издания.

²⁰ Н. Г. Чернышевский. Сочинения. Т. I. СПб., 1918, стр. 252.

²¹ Впервые обратил внимание на эту сторону статьи Белинского М. Филиппов.

²² В ряду новгородских былин Белинский рассматривает и сахаровскую былинку об «Анкудине», которая является, как было выяснено последующей критикой, грубой подделкой; в этой былинке Белинский также усматривал выражение поэтической и глубокой мысли. Особенно тронуло критика «последнее слово изгнанника», в котором тот благословляет «неправую, но все же милую родину». Сахаровский сборник тогда только что вышел, и Белинский, конечно, не мог еще сомневаться в подлинности включенных в него текстов. На «былинку» об Анкудине он ссылается (не называя источника) и в рецензии на книгу Голикова, рассматривая ее, как своеобразную поэтизацию старины (XII, 288).

²³ Белинский отчетливо представлял, между прочим, и процесс дальнейшего бытования в народе былин. «Начались они <былины>, вероятно, во времена татарщины, если не раньше... Потом, каждый век и каждый певун <во время Белинского еще не было термина «сказитель»> или сказочник изменял их по своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то переиначивая старые. Но сильнейшему изменению они подверглись, вероятно, во времена единодержавия в России» (VI, 382). И в другом месте, говоря о многочисленных анахронизмах и несообразностях, встречающихся в былинах, он замечает: «Это служит новым доказательством нашей мысли, что эти поэмы или сложены были во время татарщины, если не после ее (а от старины воспользовались только мифическими, смутными преданиями и именами), или что они были переиначены во время или после татарщины» (там же, 392).

²⁴ См. нашу статью «Декабристская фольклористика» — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1948, № 1.

²⁵ В. И. Ленин. Соч. Изд. 3-е. Т. XVII, стр. 341.

²⁶ И. Бодянский. О словацких песнях. Статья 2-я; «Московский наблюдатель», 1835, ч. IV. Критика, стр. 581. — Белинский очень сочувственно отметил эту рецензию как заключающую в себе «много дельных и чрезвычайно любопытных фактов касательно своего предмета» (II, 501; в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“»). Белинскому, несомненно, импонировала и та характеристика народной песни, которую давал Бодянский. «Песня — выражение духа народного; журнал, в котором народ записывал все, что сколько-нибудь относилось к нему, сколько-нибудь его занимало, шевелило, трогало» (И. Бодянский. Назв. соч., стр. 578).

²⁷ Что же касается отдельных частных, приводившихся некоторыми исследователями и критиками в качестве бесспорных примеров отрицательного отношения Белинского к народной поэзии, вроде знаменитого выражения, что «одно небольшое стихотворение истинного художника выше всех произведений народной поэзии вместе взятых» (VI, 310) или «народная поэзия только для охотников» (XI, 61) и т. п., — то, конечно, их приходится рассматривать только как гиперболическое и полемическое подчеркивание и заострение основной мысли. Это — полемический ответ на противоположные утверждения: о превосходстве народных песен и сказок над всеми произведениями художественного творчества. Такой тезис выдвигали еще романтики, например Ян. Гримм, для которого «любая народная мифология» была выше всех произведений Гете; такого типа суждения были весьма распространены; очень часто они являлись выражением борьбы против всего прогрессивного в литературе, как это было одно время и у нас, когда под знаком «подлинной народности» велась борьба с Пушкиным и Лермонтовым. Относящиеся сюда факты подобраны в той же статье А. П. Скафтымова (назв. соч., стр. 150). Такого рода суждения и резкие приговоры Белинского были ответом на наступление «сермяжной народности», выражение которой он видел в статьях «Маяка», в подражаниях народным сказкам Полевого и тому подобных фактах.

На неправильность буквального понимания подобных заявлений Белинского указывал и М. Н. Сперанский (М. Н. Сперанский. История русской литературы XIX в. Записки слушателей. М., 1914, стр. 251). Сперанский возражал и против причисления Белинского к отрицателям народной поэзии: «он не отрешивается от нее, а только указывает ей надлежащее место в литературном обиходе современности» (там же).

²⁸ Т. Н. Грановский. Историческая литература во Франции и Германии в 1847 г. — Сочинения. Т. II. М., 1866, стр. 192—200.

²⁹ В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С предисл. С. А. Венгера. Библиотека «Светоца», под ред. С. А. Венгера, № 5, изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 14.

Здесь же Белинский попутно называет еще один большой раздел русского фольклора, о котором, по вполне понятным причинам, он не смог даже слегка упомянуть в печати, а именно: сказки о попах. «Неужели же, в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника» (там же, стр. 14). Прямых отзвучком этому замечанию Белинского представляются нам известные строки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные
И всякую хулу?

Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?

и т. д.